

ли к Вам заслуженное уважение коллег. Мы высоко ценим Ваш подвижнический труд на благо отечественной философии и Российского философского общества.

Президиум РФО, Московское философское общество сердечно поздравляют Вас с юбилеем и выражают искреннюю признательность за Ваше подвижничество, творческое отношение к делу и многолетнюю работу в качестве председателя первичной организации РФО философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Желаем Вам, дорогая Татьяна Павловна, крепкого здоровья, новых творческих свершений, большого человеческого счастья и благополучия.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

ЭТЮДЫ

Иллюзионист

*Взор следит, как тлеет огонек, как он,
того и гляди, исчезнет; вот уже и погас,
и мы вспоминаем, как всего несколько
мгновений назад он радовал нас.*

В предлагаемом дискурсе (все-таки противное слово!) в качестве символа могла бы быть востребована жена праведника Лота (фигура настолько безликая, что даже имени не имеет), превращенная, как известно, в соляной столп, то есть наказанная *неподвижностью*. Привычное толкование этого сюжета таково: покидая «дом греха», беги не оглядываясь, ибо всякая оглядка на грех свидетельствует о твоей привязанности к греху... Нас жена Лота будет интересовать в ином, не «греховном» отношении.

Она *обернулась* – а ведь, вообще говоря, невозможно жить **не оборачиваясь**: на прожитый год, на вчерашний день, на промелькнувший миг. В чем собственно **жизнь** человека? В действиях, которые он совершает? В глотках воздуха меж совершаемыми им действиями? Или в невольных воспоминаниях, что скрашивают эти совершенные действия? Ощущать трепет существования и означает – жить. И будет ли долгой, будет ли насыщенной жизнь человека, если увидев, например, «Весну» Боттичелли или «Блудного сына» (опять-таки осмысленное *возвращение* его), вы тотчас совершенно забыли увиденное?.. «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» Из года в год, из века в век православные христиане повторяют эти слова. Ибо мысленно повторяют и крестный путь Спасителя и чувства сопричастных и бывших тому свидетелями. И уже не в мелькнувший было миг возвращается человек, а в тысячелетнюю толщу времен.

Но помилуйте, скажут нам, разве такое копание в прошлом, такое, как вы говорите, «оборачивание» не будет самой настоящей *иллюзией*, воображаемым пребыванием там, где уже нельзя быть, где вместо вас уже другие?.. Или вы *иллюзионист* и хотите увести нас из мира реальности в мир иллюзии и мечты?

И уводить не нужно. Теперь уже мы спросим их: «*О какой реальности вы говорите? В одной из этих реальностей лишь человек что-то значит, а вовсе не лишённые жизни и разума элементарные частицы. В другой реальности нас-то, призрачных, вроде как и нет, а считаться следует с этими неуничтожимыми частицами. Так о какой же реальности речь?*».

Совершенно очевидно, что проживая *жизнь*, человек познаёт *мир*. Нельзя же сказать, что объектом его познания выступает та самая жизнь, которую он и проживает. Мир его жизни не будет миром физики, химии или космологии, не будет миром атомов, клеток или галактик, но – миром слез, смеха и упований, миром веры, надежды и любви (хотя бы и изрядно потускневших за последнее время). Даже самый выдающийся химик, испытывая порой жажду, все хочет испытать воды, а не пресловутое H₂O. Прогуливающийся же по Санкт-Петербургу путешественник, сколь прекрасно ни был бы он осведомлен о несходности параллельных прямых в одной точке, все любит эффект перспективного сокращения проспектов и строний. Жизнь и познание не тождественны.

Наука смело преодолевает былые иллюзии, нимало в них не нуждаясь, чего никак нельзя сказать о человеческой жизни. Если представляется почти бесспорным утверждение, что человек, хотя бы как представитель своего незаурядного рода, нуждается в *истине*, готов и, более того, призван ее искать, то вряд ли столь уж бесспорным покажется утверждение, что более чем в истине человек *нуждается в иллюзии*.

А между тем это так. Бесценный привкус этого слова ничего не умаляет и не убавляет, а напротив, сулит прибавление, богатение... В нашу жизнь иллюзия входит как своя среди своих, не опасаясь грубого окрика: «Вам – кого?» Нет, в жизни она укоренена, пожалуй, надежней, чем истина в науке. Потребность в иллюзии легко обнаруживается, стоит лишь от идеи человека «спуститься» к отдельному индивиду или даже человеческой общности. Что же до изгнания ее из жизни и полной рационализации человеческого бытия, то тут такой тоталитаризм требуется, что и самой загрубевшей душе не снился. Пока выбирает мужчина – не робот – женщину, друга, занятие, место обитания, пока не утрачена способность любить и мечтать, иллюзии ничто не грозят.

И – резюмируя сказанное – *иллюзия* есть несомненный атрибут той самой сущности, что зовется *жизнью*.

О духе

«Нет, весь я не умру...».

А.С. Пушкин

«А что есть дух? Не пора ли уже спросить о духе?» Пожалуй, от такого вопроса, от столь прямой его постановки аж оторопь берет. Есть ведь вопросы, задавать которые не следует. Иные – оттого, что ты можешь поставить собеседника в неудобное положение. Интимность этого вопроса в другом: задавая его, сам ставишь себя в неловкое положение.

Это почти так же, как спросить: «Что есть Бог?» Ибо если веруешь, как осмелишься спросить? А если не веруешь, то прозвучит твой вопрос так: «Что есть тот, относительно кого я не верю, что он есть?» Лукаво ведь прозвучит...

Подобные вопросы честнее не озвучивать. Если же не из праздного любопытства твой вопрос, а действительно подлинный в его неизбежности, то задать его следует самому себе. Да и может ли кто другой ответить на *твой* вопрос?

Но, не задаваясь подобными вопросами, не отвечая на них, упускаешь что-то очень важное, может быть, самое важное в жизни. Только... если прямота и смелость, достоинство спрашивающего, коль скоро спрашивающий *философ*, то здесь, похоже, его прерогативы, подлежат ограничению. Мы ведь у грани философии и *богословия*.

И грани этой мы обязаны расщеплением, раздвоением заданного вопроса на вопрос о Духе (именно так, с прописной буквы) и духе с буквы маленькой, строчной. Оставим же первый вопрос людям, несравненно более нас искушенным в теологии, и обратимся ко второму, полагая, что и он достаточно серьезен и многообещающ. В повседневных наших беседах, коснись мы духовных стремлений или, напротив, бездуховности, востребована бывает малая, строчная буква.

Для предлагаемых размышлений о духе очень кстати будет мысль, высказанная, помнится, Паскалем, о том, что все поколения прежде живших и ныне живущих людей могут быть представлены как один человек. Человек этот радуется, страдает, надеется и ропщет. Как бы ни менялись века и эпохи, с каждым рождением обновляется лишь плоть его – дух же остается неизменным. Говоря о жизни духа, духовной жизни, совершенно недостаточно иметь в виду лишь ее внешнюю, «культурную» составляющую. Дело ведь не в том, что духовно богатый человек есть непременный и заядлый посетитель театров и вернисажей. Суть дела в другом, и она хорошо выражена американцем былых времен Уолтом Уитменом: «Весь я не вмещаюсь между шляпой и башмаками». И очевидно, что чем менее индивид «вмещается» в указанные телесные пределы, тем больше оснований говорить о его духовности. Пожалуй, по человеческой своей сути он даже не может постоянно «вмещаться» в избранную им профессию, семью, нацию. «...Иногда я говорю и действую как я-мир, я-человечество, иногда как я-мой народ, я-моя семья, иногда как я-индивидуум... Мое «я» непрестанно «пульсирует», то сжимается до «я-индивида», то расширяется до «я-мира». Можно сказать, что искомая суть духа в *представительстве*: тождество вовлекает в твой духовный мир не только пространственные пласты, но и пласты временные. Пусть не покажется здесь неуместным образ, возникший в «Алисе» Льюиса Керролла – «улыбка чеширского кота». Кот ушел, его нет с нами, но улыбка – осталась. Так живут в нас ушедшие и духовно поддерживают, оберегая в нас человечность. Признаюсь, закрадывается порой тяжкое сомнение: «Да есть ли еще то, что так возвышенно именуют духом, обнаруживается ли он где, дает ли о себе знать?» Вот в этом нашем желании духа уже прорывается его бытие.

Иголь Е.Л., к.ф.н. (Иваново)

¹ Карсавин Л.П. О бессмертии души // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П.Карсавине. Брюссель, 1990. С.231.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

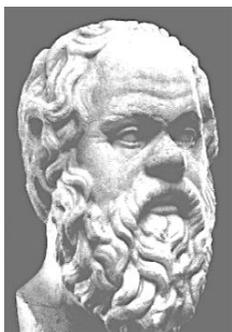
Рубрику ведет Лев Евдокимович Балашов

E-mail: lev_balashov@mail.ru

*Философ, пошаривши ногами
во все стороны, сказал наконец
отрывисто: «А где же дорога?».*

Н.В. Гоголь. Вий

Что говорить? Три сита Сократа

К Сократу прибежал человек и говорит:

– Послушай, я должен тебе сказать, что твой друг...

– Подожди, подожди – говорит Сократ – просеял ли ты то, что хочешь сказать, через три сита?

– Какие?

– Первое – это сито правды. Ты хочешь сказать, это правда?

– Не знаю, я так слышал.

– Достаточно! А просеял, ли ты это через сито доброты? Действительно то, что ты мне хочешь сказать – это что-то созидающее или доброе?

– Не знаю, наверное нет.

– Тогда просеем через ещё одно сито, так ли необходимо, что бы ты мне об этом сказал?

– Нет, необходимости в этом нет.

– А, значит, если в этом нет ни необходимости, ни правды, ни доброты, не обременяй ни меня ни себя.

Было бы неплохо, если бы эти три сита Сократа были взяты на вооружение средствами массовой информации.

Анекдоты о Диогене из Синопа

Диоген говорил, что когда он видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек – самое разумное из живых существ, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, кто чванится славой или богатством, то ему кажется, будто ничего не может быть глупее человека.

Диоген. Фрагмент картины